

Сокращения

имб. – имбатский диалект, сым. – сымский диалект, л. – лицо, ед.ч. – единственное число, мн.ч. – множественное число, м.р. – мужского рода, ж.р. – женского рода, жен. – женский, муж. – мужской, наст. – настоящее, прош. – прошедшее, кур. – Курейка, пак. – Пакулиха, вор. – Ворогово, ярц. – Ярцево.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Дульзон А.П. Кетский язык. Томск: Изд-во ТГУ, 1968, 635 с.
2. Дульзон А.П. Кетские сказки и другие тексты. Издания разных лет и издательств.
3. Кетский сборник. Мифология, этнография, тексты. – М., 1969, 291 с.
4. Крейнович Е.А. Глагол кетского языка. Л.: Наука, 1968, 280 с.
5. Поротова Т.И. О текстовых особенностях выражения будущности (в печати).
6. Поротова Т.И. Способы выражения будущности кетскими глаголами движения // Вестник Томского Государственного Педагогического университета, вып. 6, серия "Гуманитарные науки (филология)". – Томск, 1998, с. 59–64.
7. Поротова Т.И. Инхоатив как выразитель будущности кетских глаголов (в печати).
8. Сказки народов Сибирского Севера, II, Томск, 1976, 139 с.
9. Сказки народов Сибирского Севера, IV, Томск, 1981, 188 с.
10. Шабавев В.Г. О некоторых способах выражения будущего времени в кетском языке // Вопросы строя енисейских языков. – Новосибирск, 1979, с. 55–59.
11. Castren M.A. Versuch einer jennissei-ostjakischen und kottischen Sprachlehre nebst Wörterverzeichnissen aus den genannten Sprachen. St.Petersburg, 1858, 264 S.

К ВОПРОСУ ХАНТЫЙСКОГО ПРИЛАГАТЕЛЬНОГО КАК САМОСТОЯТЕЛЬНОЙ ЧАСТИ РЕЧИ*

П.М. Кузнецов

аспирант, Томский государственный педагогический университет

Имеющая чёткие семантические границы группа слов, которые объединяются по признаку обладания значением качества и употребляются в речи для выражения признаков предметов, окончательно не прошла в хантыйском языке стадию формирования как грамматическая категория. П.К. Животиков отмечает, что "...категория прилагательных в хантыйском языке морфологически характеризуется нечётко. Это выражается в: 1) отсутствии склонения; 2) почти полном отсутствии морфологически выраженных степеней сравнения и 3) наличии большой группы логических, морфологически неоформленных прилагательных. Процесс выделения и оформления прилагательных в самостоятельную грамматическую категорию происходит на наших глазах." [1942: 61]. Данное высказывание подтверждается информацией Н.И. Терёшкина: "Прилагательные, в отличие от существительных, морфологически характеризуются тем, что не имеют никаких словоизменительных форм." [1961: 57]. Подтверждающие друг друга точки зрения исследователей, относящиеся к хантыйскому языку в целом, могут относиться и к васюганскому диалекту хантыйского языка в частности.

Говоря о структуре слов – определителей качества с точки зрения словообразования, следует сказать о классификации, сделанной этими двумя учёными. Признавая то, что слова, определяющие ка-

чество предметов, не сформировались окончательно в грамматическую категорию – имя прилагательное, эти учёные, однако, называют их прилагательными. Поэтому, рассматривая работы Н.И. Терёшкина и П.К. Животикова, мы также будем использовать термин "прилагательное", но не следует забывать, что слова – определители качества могут называться так лишь условно. Н.И. Терёшкин делит хантыйские прилагательные на две группы. К первой группе он относит прилагательные, образованные с помощью суффикса -ён/-ен и обозначающие признак, которым предмет обладает в той или иной степени. Прилагательные эти образуются большей частью от существительных и в небольшом количестве от глаголов. В качестве примеров приводятся пары, одна составляющая которых – прилагательное с суффиксом -ён/-ен, а другая – существительное или глагол, от которого данное прилагательное образовано: *сёмёң* 'смелый' (от *сём* 'сердце'), *нелың* 'ржавый' (от *нелы* 'ржавчина') и др. [1961: 56]. Подобная же группа прилагательных выделяется и в васюганском диалекте: *весең* 'мамонтный' (от *вес* 'мамонт'), *вирсяң* 'с березняком' (от *вирс* 'березняк') [ХРСВ, 1996: 50].

Дополнением к данной группе могут служить прилагательные, образованные при помощи других суффиксов, однако, имеющих то же значение, что и

* Работа выполнена при поддержке Министерства общего и профессионального образования РФ ЗН 14.25.09

суффиксы *-ең -ёң*. П.К. Животиков приводит прилагательные с суффиксами *-и, -пи* и *-ып*, также обозначающие обладание признаком: *-и: йинки* 'мокрый' (от *йинк* 'вода'), *тоньси* 'снежный' (от *тоньсь* 'снег'); *-ып: питы сэмып* 'черноглазый' (от *сэм* 'глаз'), *ун патып* 'большеухий (заяц)' (от *пат* 'ухо'); *-пи: новы охпи* 'белоголовый' (от *ох* 'голова').

Ко второй группе Н.И. Терёшкиным относятся прилагательные, образованные с помощью суффиксов *-леУ/-лёУ* и обозначающие признак, отсутствующий у определяемого предмета. Также подчёркивается, что они образуются, главным образом, от существительных и лишь иногда от глаголов и также приводятся примеры-пары, где первая составляющая пары – это прилагательное, а вторая – существительное или глагол, от которого оно образовано: *сэмлеУ* 'слепой' (от *сэм* 'глаз'), *тинлёУ* 'бесплатный' (от *тин* 'цена') и др. [1962: 57]. П.К. Животиков приводит суффикс *-ты*, который также указывает на отсутствие определённого признака: *кашты* 'грустный' (от *каш* 'веселье'), *курты* 'безногий' (от *кур* 'нога') [1942: 62]. Прилагательные, образованные с помощью суффикса *-ты*, дополняют вторую группу, выделенную Н.И. Терёшкиным.

Кроме того, необходимо указать на определённую группу прилагательных, которая следующим образом характеризуется П.К. Животиковым: "Имена прилагательные, выраженные основным падежом имени существительного, временно выполняющие роль прилагательных (определение), находясь впереди существительного и определяя один из признаков данного существительного. Например: *вош* – город, *вош хот* – городской дом; *унт* – лес, *унт ёх* – лесные люди и т.д." [1942: 61]. О таких прилагательных говорит и Л.Хонти: "Существительное и прилагательное почти не отличаются друг от друга, потому что одно и то же слово может функционировать то как существительное, то как прилагательное, например: *вах* – 1) металл, железо; 2) железный" [1995: 11]. Наличие в хантыйском языке такой группы прилагательных объясняет К.Е. Майтинская: "Категории слов в языке-основе разграничивались менее чётко, чем на современном этапе развития... Иногда одни и те же бессуффиксные слова могли употребляться как в качестве глаголов, так и в качестве имён. Пережитки этого до сих пор прослеживаются в финно-угорских языках... Ещё меньше чем глагол и имя разграничиваются разряды имён. Как правило, одни и те же падежные форманты присоединяются и к существительным и к прилагательным и числительным, ряд словообразующих суффиксов присоединяется как к существительным, так и к прилагательным. Существительные используются и в качестве определений, а прилагательные и в качестве определяемых. При таком положении вполне отчётливо категориальный переход проявляется только в случаях, когда какое-либо слово, оформленное суффиксом, характерным для одной категории,

приобретает постоянные свойства другой категории." [1966: 19].

После такого утверждения логически возникает вопрос: является ли хантыйское прилагательное самостоятельной частью речи вообще? Тот факт, что одни и те же суффиксы присоединяются и к существительным и к прилагательным ставит под сомнение самостоятельность последних как части речи и наводит на мысль, что функция определения, на данном этапе развития хантыйского языка, может выполняться другими частями речи. Правда Л. Хонти считает, что хантыйское прилагательное является самостоятельной частью речи и приводит следующие основания своей точки зрения: "1) имеются суффиксы, образующие лексемы, которые используются преимущественно или исключительно в определённой функции... 2) из падежных суффиксов существительных чаще всего только суффиксы местного и превратительного падежей употребляются с прилагательными... 3) относительная и абсолютная мера свойства, выражаемая прилагательным, может быть описана разными способами, но носителем сравнительной степени является не прилагательное, а то существительное, с которым сравнивается другое, при этом может быть применён суффикс либо исходного, либо сравнительного падежа. При помощи частицы *сек, секка* 'очень' может быть выражена превосходная степень сравнения." [1995: 11].

Данные аргументы несомненно свидетельствуют в пользу того, что слова – определители качества в хантыйском языке уже имеют морфологические признаки, позволяющие вычленивать их в самостоятельную часть речи. Однако, мы должны помнить, что наряду с прилагательными, определительная функция продолжает выполняться существительными в основном падеже, не имеющими суффиксов, стоящими перед другими (определяемыми) существительными и, следовательно, являющимися прилагательными только логически. Морфологически же это имена существительные. Об этом явлении упоминает Г.А. Климов: "С несформированностью в активных языках имени прилагательного связана и следующая черта: фактически повсеместное атрибутивное употребление субстантивов с соответствующей ассоциативной семантикой." [1977: 107]. Это даёт нам возможность предположить, что если бы хантыйское прилагательное являлось окончательно сформировавшейся частью речи, то не было бы необходимости использовать в роли определения имена существительные. Однако, такая необходимость в хантыйском языке существует. Это значит, что лексемы, уже оформленные как прилагательные морфологически ещё не способны во всех случаях выполнять функцию определения, часто выполняемую из-за этого по-прежнему существительными.

Кроме того, нельзя утверждать, что имеющие суффиксы лексемы, выступающие как определения, являются прилагательными, а не падежной формой

существительных. Например, прилагательные, оканчивающиеся на суффикс-ан, по мнению А.Ю. Фильченко, “могли бы быть интерпретированы как существительные в номинативно-инструментальном падеже: *антаң*, “ребристый (с ребром)”, *кэл,эчиң*, “с калачом”, *кён,т,эң*, “ногтистый(с ногтями)”, *весең,эмтар* “мамонтовое озеро” и т.д., о чём свидетельствуют переводы составителя хантыйско-русского словаря М.К. Могутаева, когда наряду с прилагательными даётся как бы исходная форма “ребристый (с ребром)”.” [1998: 70].

В заключении следует отметить, что на данном этапе развития хантыйское прилагательное ещё нельзя выделить в самостоятельную часть речи. Не следует

забывать, что эта категория продолжает находиться в стадии формирования и это имеет свой положительный момент, так как нам дана уникальная возможность проследить какими способами и из каких уже установившихся частей речи выделяется новая группа слов, обладающая своим собственным лексическим и грамматическим значением, а значит уже имеющая основания считаться самостоятельной частью речи. На данной стадии развития очень важно рассматривать хантыйское прилагательное в функциональном плане, поскольку анализ того, каким образом в предложении выполняются функции прилагательного, позволит выявить основу, на которой и происходит окончательное становление этой части речи.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Животиков П.К. 1942 – Очерк грамматики хантыйского языка. Ханты-Мансийск, 1942.
2. Климов Г.А. 1977 – Типология языков активного строя. М., 1977.
3. Майтинская К.Е. 1966 – Введение//Языки народов СССР. Финно-угорские и самодийские языки. Том 3. М., 1966.
4. Терёшкин Н.И. 1961 – Очерки диалектов хантыйского языка. ч. I. М. – Л., 1961
5. Фильченко А.Ю. 1998 – К вопросу о несформированности прилагательного как одной из характерных черт языков активной типологии.//Вестник ТГПУ, выпуск 6, Томск, 1998.
6. Хантыйско-Русский словарь (Васюганский диалект) (ХРСВ), составитель Могутаев М.К. Томск, 1996.
7. Хонти Л. 1995 – Ваховский диалект хантыйского языка.//Народы северо-западной Сибири. Томск, 1995.

СЕЛЬКУПСКОЕ СТОЙБИЩЕ НАКАНУНЕ 21 ВЕКА (ИЗ ЭКСПЕДИЦИОННОГО ДНЕВНИКА)

А.А. Ким

К важнейшим методам проведения комплексных исследований языков и культур аборигенов Сибири А.П. Дульзон относил научные экспедиции. За 30 лет своей научной деятельности в Томске он организовал 90 различных экспедиций, а в 35 из них он сам принимал участие. Андрей Петрович готовился к каждой экспедиции долго и тщательно, того же он требовал и от своих учеников. Ученый должен учитывать все при подготовке к экспедиции: от целей и ожидаемых результатов до способности “стойко переносить гнус”.

В свою первую экспедицию – селькупскую деревню Иванкино Колпашевского района – я поехала при жизни Андрея Петровича собирать материал по теме, которую он мне предложил “Выражение числа у имен существительных в селькупском языке”. Около полугода шла интенсивная подготовка, которая предусматривала не только чтение специальной литературы по селькупскому языку, но и посещение

семинара по транскрипции, который в 1971 г. проводил Р.Ф. Деннинг. Летом я была “прикреплена” к преподавателю Л.А. Алиткиной, получила опросные листы – списки слов для составления русско-селькупского словаря – и отправилась получать свое первое “экспедиционное крещение”. Ощущение значимости этого мероприятия сохранилось на всю жизнь. С этого момента прошел не один десяток лет, во время которых я исколесила почти всю Томскую область, поработав и с селькупками, и с эвенками, и с хантами, но аксиому своего первого научного наставника я никогда не забывала: “Туземное население должно всегда видеть, что мы, приехавшие ученые, рассматриваем их как полноценных людей... Много они лучше знают и понимают, чем мы” (см.: Галкина, 1995: 9).

К сожалению, тех сборов, которые смог сделать А.П. Дульзон в 50-е годы у селькупов Томской области, особенно у селькупов верховьев Кети, в бо-

* Статья подготовлена при поддержке Федеральной Целевой Программы “Государственная поддержка интеграции высшего образования и фундаментальной науки на 1997-2000 годы” в рамках реализации проекта № 692 “Комплексная (этнолингвистическая и этнопедагогическая) экспедиция к аборигенам Сибири: документация языков и культур, находящихся под угрозой вымирания”